

18+

ПЯТОЕ ПОКОЛЕНИЕ

А Л Е К С Е Й К Р А С О Т К И Н

Алексей Красоткин

Пятое поклонение

Красоткин А.

Пятое поклонение / А. Красоткин —

Он никогда не видел неба. Кай родился в трюме космического корабля «Второй шанс» — в железном чреве, которое пять поколений его семьи считало своим домом. Пока на верхних палубах живет элита, внизу трудятся тысячи таких, как он, веря в великую цель: однажды корабль достигнет прекрасной планеты, и для всех наступит счастливая жизнь в комфорте и достатке. Но что, если ваша цель — великий обман? Это история о свободе, дружбе, любви и о том, как далеко может зайти человек, у которого отняли мечту.

Содержание

Часть I. Клетка	7
Глава 1. Закончу пораньше	7
Глава 2. Отметка на карте	11
Глава 3. Разговор по душам	15
Глава 4. Прикладная физика	20
Глава 5. Точка опоры	24
Глава 6. Добрались	29
Глава 7. 120 лет лжи	34
Глава 8. Решение	39
Глава 9. Совет	43
Глава 10. Старейшины	45
Глава 11. Возвращение в стадо	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Пятое поклонение

Алексей Красоткин

© Алексей Красоткин, 2026

ISBN 978-5-0069-7595-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Клетка

Глава 1. Закончу пораньше

Гул не замолкает никогда.

Кай привык к этому звуку раньше, чем научился говорить. Низкая вибрация, которая проходит сквозь металлический пол, поднимается по ногам вверх, оседает где-то в груди и остается там навсегда. Говорят, на Земле была тишина. Настоящая. Без дрожи в костях. Кай не верит. Тишины не бывает. Есть только разные оттенки гула.

– Эй, Кай! Шевелись, а то бригадир снова выговор сделает.

Голос Рика разбавляет гул склада. Кай поднимает глаза от контейнера с микросхемами. Пальцы затекли – он снова замечтался, представляя, как эти блестящие пластинки попадают в компьютеры на верхних палубах. Интересно, о чем там думают «чистые», когда включают свои экраны? Знают ли они, что их техника собрана руками парня из трюма, который никогда не видел ничего, кроме этих железных стен?

– Иду.

Кай подхватывает очередной ящик. Склад микросхем – их сектор гордится этим. Говорят, без этих деталей корабль не проживет и дня. Кай любит эту мысль: где-то там, наверху, кто-то нажимает кнопку, и эта кнопка приводит в работу сложные механизмы, которые ведут их железный мирок к великой цели сквозь черноту безграничного пространства – все это часть его работы. Маленькая ниточка, связывающая его с миром, который он никогда не видел, а может и не увидит вовсе. Но мир этот достанется тем, кто придет на его место спустя годы, он заботится о себе... заботится о них.

Рик работает рядом. Он старше на пять лет, шире в плечах, но соображает ощутимо медленнее. Кай это давно заметил. Рик хорош, когда нужно таскать, но когда дело доходит до учета или сортировки – лучше позвать Кая. Рик это знает и не имеет ничего против, каждый пригодится в общем деле, каждый важен.

– Слышал новость? – Рик сбрасывает ящик на тележку. – Говорят, двигатели вышли на режим торможения. Значит, скоро будем на месте. Как думаешь, долго ему тормозить?

Кай усмехается про себя. Двигатели всегда гудят одинаково. «Режим торможения» – это сказка для тех, кому нужно подпитывать свою веру. Дед говорил: «Когда корабль разогнался, гул тоже был другим. Выше, тоньше. Я слышал это в детстве». Кай вслушивается в привычную низкую ноту. Ничего не меняется. Никогда. Этот звук слушал его дед, его отец и он теперь слушает. Может и его дети с их детьми будут слушать именно его.

– Рик, а ты уверен, что мы вообще летим?

Рик замирает. Смотрит на Кая так, будто тот предложил выйти в открытый космос без скафандра.

- Ты чего? Конечно летим. Куда мы денемся?
- Никуда, – Кай пожимает плечами. – Просто интересно.

Рик качает головой и возвращается к работе. Но Кай видит: его слова зацепили здоровяка. Рик теперь будет думать. Может, даже спросит кого-то. А потом забудет. Так со всеми. Все забывают, потому что помнить – страшно.

Смена тянется медленно. Кай считает ящики: сорок семь, сорок восемь, сорок девять. В голове играет совсем иная музыка – он представляет, что идет по бескрайнему полю, а над головой синее небо. Трава кокальвает ноги. Дед говорил, трава мягкая и прохладная, как ткань, из которой шьют лучшие комбинезоны. Только зеленая. Кай пытается представить зеленый, но не может. В трюмах только серый, черный и редкий синий – цвет неба.

- Слушай, Рик. – Кай останавливается, вытирая пот со лба. – Давай поспорим.

Рик настораживается. Он не любит споры с Каем. Слишком часто проигрывает.

- О чем?

– Я говорю, что в следующем ящике будет брак. Ровно три микросхемы с перебитыми контактами.

Рик смеется. Звук гулкий, как удар о пустую бочку.

– С чего бы? Это новая партия. Там брака быть не может. Технологию же поправили еще в том месяце.

– Спорим? Если я прав – ты до конца смены работаешь за меня и ставишь мою отметку на выходе. Если нет – я до конца месяца отдаю тебе свой обеденный рацион.

Рик смотрит на ящик. Смотрит на Кая. Сомневается. Кай с трудом удерживает деловое выражение лица – внутри веселье распирает грудь.

- Идет.

Рик открывает ящик первым. Кай даже не двигается с места. Он знает, что там внутри. Три часа назад, когда Рик ходил пить воду к куллеру, Кай заглянул в угол приемки и увидел эту партию. Тогда он еще не придумал как использовать эту информацию, но все равно решил проверить пару ящиков на предмет брака. Угол приемки – его тайное место. Там никого не бывает, потому что там тесно и темно, а Каю темнота не мешает. Он там спрятал старую схему вентиляции, которую нашел год назад в архиве... Его карта сокровищ.

Рик перебирает микросхемы. Раз, два, три...

- Не может быть.
- Что там? – Кай подходит, хотя уже знает ответ.
- Три штуки бракованных.

Рик поднимает на Кая глаза. В них обида и уважение одновременно. Каю почти стыдно, но только почти.

– Ты жульничал?

– Я просто знаю, куда смотреть, – Кай хлопает его по плечу. – Работай, друг. Я пошел.

Рик хочет что-то сказать, но Кай уже скользит между утесами ящиков. Он двигается тихо, как научил дед: «В трюмах, мальчик, шум привлекает внимание. А внимание несет с собой вопросы. А вопросы ведут туда, куда тебе не надо».

Через три минуты Кай сворачивает в технический проход. Еще через пять – пролезает под трубой, которую давно никто не обслуживал. Здесь пахнет маслом и ржавчиной. Здесь его мир. Настоящий.

Кай достает из-за пазухи помятую схему. Проводит пальцем по линиям. Вот здесь он был. Этот сектор изучил на прошлой неделе. Вот здесь еще нет. А вот здесь...

Пальцы останавливаются на развилке, где схема обрывается. Кто-то нарисовал вопросительный знак и приписал мелко: «Глянуть тщательно!»

Кай улыбается.

– Посмотрим, – шепчет он в гул пустого коридора.

Шаг вперед. Металл тихо вибрирует под ногами. Где-то далеко капает вода – или ему кажется? Здесь, вдали от людей, странные мысли заполняют сознание целиком. Мысли о том, что гул не меняется. Что дед стареет. Что драгоценные фотографии Земли выцветают, хотя хранятся так бережно. Что энциклопедия пахнет пылью, и таит в себе столько фантастических образов, голова просто кругом.

Кай отгоняет мысли. Сейчас не до них. Сейчас – исследование.

Впереди темнота. Фонарик Кай не взял – нельзя, заметят. Но он знает эти коридоры на ощупь. Левая рука скользит по стене, правая – сжимает карту. Пальцы читают заклепки, как слепой читает книгу с шрифтом Брайля.

Тридцать шагов. Сорок. Пятьдесят. Еще девяносто.

Стена справа неуловимо меняется. Кай ощущает смену текстуры стены – металлическая пластина ставилась позже остальных в этой секции. Сверяет со схемой. На схеме здесь ничего нет. Интересно.

Он осматривает панель и замечает увеличенную щель внизу. Пара минут работы с мультитулом и панель нехотя поддается. Кай делает шаг в темноту.

Гул меняется. Становится чуть громче, чуть ближе. Кажется, будто корабль вздыхает. Или это просто воздух пошел по вентиляции с другой интенсивностью.

Кай идет дальше. Мысли уходят, растворяются в темноте. Остается только движение. Только выпуклые заклепки под пальцами. Только ноги, ступающие по глади металла.

Впереди что-то вспыхнуло голубой искоркой.

Кай замирает. Сердце колотится – он знает этот ритм. Так бывает, когда находишь что-то важное. Дед говорил: «Сердце не обманет. Оно помнит все за сотни поколений».

Кай делает еще один шаг.

Блестит вороток люка. Старый, покрытый пылью и ржавчиной, но на ручке виднеется глубокий скол, он и бликует в призрачном свете люминисцентных элементов его формы. Без этого блеска люк потерялся бы на ржавой стене, слился с ней за долгие годы полета. На нем нет информационной таблички, которые обычно располагались на каждой переборке.

Кай касается металла пальцами. Холодный и шершавый. Давно никто не открывал, может даже несколько поколений. Ощущение такое, что дверка эта была не для всех. Слишком она старалась остаться незамеченной на плоскости стены.

– Ну здравствуй, – шепчет он. – Что ты там прячешь?

Он пробует провернуть вороток. Тот не поддается. Кай толкает сильнее – ноль. Но он не расстраивается. Наоборот, внутри разгорается пламя азарта... Кай принимает вызов.

– В следующий раз, – обещает он люку. – Я вернусь с инструментом и тогда посмотрим кто сильнее.

Кай уже не забудет этот путь. Каждый поворот, каждую заклепку. Потом разворачивается и уходит обратно к свету, к гулу, к людям, к привычной жизни, которая не менялась уже почти сто пятьдесят лет.

Когда он вылезает в технический коридор, часы показывают, что смена почти закончена. Рик, пытаясь, доделывает его работу. Увидев Кая, он только вздыхает и машет рукой: «Иди уже, отметку я поставил».

Кай кивает и отправляется в свой отсек.

По дороге он думает о люке. О том, что за ним скрыто. О том, почему на схеме его нет. Не может же просто пропасть кусок схемы, не забыли же его нарисовать. Схемой занимался явно не Рик, а то такое могло бы произойти. И о том, почему внутри так непривычно приятно что-то щекочет, рвется наружу, проскребает себе путь.

Или ему просто кажется?

Глава 2. Отметка на карте

Кай снова возвращается к люку на четвертый день.

В первый день после спора с Риком он лежал на своей койке и смотрел в потолок. Потолок был серым, как всё вокруг, но Кай видел на нём линии – воображаемую карту коридоров, по которым бродил. Люк занимал все его мысли. Холодный металл, заклиненный вороток, скол на металле.

На второй день он взял смену Рика. Рик удивился, но спорить не стал. Кай работал как автомат, а сам думал о том, какой инструмент понадобится, чтобы открыть старую дверь. Монтировка? Набор ключей? Гидравлические щипцы? Может, просто сила? Но колесо не поддавалось, значит, нужно что-то другое.

На третий день он нашел старый баллон с антикоррозийным раствором. Спрятал под комбинезон, когда никто не видел. Бригадир скользнул по нему взглядом и отвернулся – Кай умел быть невидимым. Дед учил: «Люди видят только тех, кто шумит. Хочешь жить спокойно – стань частью стен».

На четвертый день он снова ушел с работы, используя тот обмен смены с Риком. Он теперь не спорил – только смотрел вслед с недоуменным выражением. Казалось, он что-то подозревает, но молчит. Кай решил, что разберется с этим позже. Сейчас важнее люк.

В техническом коридоре пахло знакомо – масло, металл, время. Кай любил этот запах. От него кружилась голова, но приятно, как от долгого бега или заплыва в бассейне. Он скользнул под трубой, перешагнул через толстый силовой кабель, свернул там, где схема обещала пустоту. В этот раз с новым листом металла в стене он разобрался уже на автомате.

Пальцы считали заклепки. Тридцать, сорок, пятьдесят. Вот здесь стена справа исчезла – ответвление. Кай нырнул в темноту.

Фонарик он так и не взял. Свет мог привлечь внимание, а здесь, в старых коридорах, внимание было последним, чего он хотел. Глаза привыкли – различали оттенки серого, очертания труб, границы стен. Ноги помнили дорогу.

Люк появился из темноты, как старый знакомый. Снова подмигнул Каю голубоватым блеском.

– Привет, – шепнул Кай.

Он достал баллон с раствором, пшикнул на основание ручки. Запах химии ударил в нос, перебивая масляную вонь коридора. Кай подождал минуту. Потом еще одну. Потом взялся за вороток обеими руками и потянул со всей силы.

Оно не сдвинулось.

Кай выдохнул, расслабил пальцы, потянул снова, навалившись всем своим весом. Ноль. Он уперся ногой в стену, рванул изо всех сил – все мускулы напряглись, пот выступил на лбу.

Ничего.

– Ты серьезно? – прошептал Кай, глядя на люк. – Совсем?

Люк молчал. Кай влил еще одну щедрую порцию смазки, походил вокруг, постучал по металлу костяшками. Звук был глухой.

Кай прислонился спиной к холодному металлу и закрыл глаза.

В голове поплыли картинки. Дед рассказывал о Земле так часто, что Кай видел её почти как наяву. Трава – мягкая, зеленая, бескрайняя. Дед говорил, по ней можно ходить босиком. Кай пытался представить, каково это – ступать на что-то, что не холодит ноги своей гладью. Не получалось.

Еще были реки. Вода, которая течет сама по себе, без насосов и труб. Кай видел воду только в душевых – теплую, пахнущую ржавчиной, строго по минутам. А на Земле, говорил дед, можно было зайти в реку и плыть, плыть, плыть, пока хватит сил.

– А небо? – спросил Кай у темноты, как будто дед мог его услышать. – Какое оно?

Дед говорил: «Синее. Огромное. Без конца и края. Иногда по нему плывут облака – белые, пушистые, похожие на пар из труб, только красивее. А ночью оно черное, и в нем горят звезды. Настоящие звезды, Кай. Не точки на навигационном экране, а живые огни».

Кай открыл глаза. Здесь, в железном чреве корабля, звезд не было. Только тусклые лампы через каждые сто шагов и вечный гул двигателей.

Он оттолкнулся от люка и побрел обратно. Сегодня не вышло. Ничего, он вернется. У него есть идеи, есть время и есть упрямство. Пять поколений его семьи упрямством не обделены.

Кай шел медленно, пальцы скользили по стене автоматически. Тридцать шагов, сорок, пятьдесят. Сейчас будет поворот к трубе, потом ответвление, потом...

Он остановился.

Что-то было не так. Кай поднял глаза к потолку и замер.

На потолке кто-то нацарапал схему.

Она была старая – ржавчина съела часть линий, краска облупилась, но рисунок читался. Кай узнал эти коридоры. Вот технический проход, вот труба, вот то место, где он сейчас стоит. А вот...

Он вытащил из-за пазухи свою схему, развернул, прижал к низкому потолку. Сравнил. Пальцы дрожали.

Это была та самая недостающая часть его карты.

На его схеме ответвление, ведущее к люку, обрывалось вопросительным знаком. На потолочной схеме оно шло дальше, разветвлялось, уходило вглубь. И там, в самом центре лабиринта, кто-то выцарапал надпись.

Кай взгляделся. Буквы покрывала ржавчина, но он разобрал:

«СЕКТОР 0»

– Сектор ноль? – вопросительно прошептал Кай.

Он никогда не слышал о таком. В трюмах были сектора: складской, жилой, технический, перерабатывающий и многие другие. Каждый знал свой номер, свой сектор и соседние сектора были на слуху. Но ноль? Что такое сектор ноль?

Кай провел пальцем по линиям. Ржавчина осыпалась, открывая путь. От люка, который он пытался открыть, схема вела дальше – вглубь корабля, туда, где на обычных картах ничего не было. А может, туда, где никто не бывал.

Он попытался запомнить каждую линию. Повороты, развилки, ответвления. Это было сложно – схема огромна, а тусклое свечение костюма давало не давало возможности увидеть всю картину целиком.

Кай достал огрызок карандаша – всегда носил с собой, чтобы пометить ящики на складе – и начал срисовывать на обороте своей карты. Подпрыгивал к потолку, на мгновение свет костюма вырывал из темноты новые части лабиринтов. Линии плясали и криво ложились на бумагу, но главное он перенес: путь к загадочному сектору ноль.

Когда закончил, руки тряслись уже от усталости. Или от волнения?

– Кто ты был? – спросил Кай у невидимого чертежника. – Зачем нацарапал это здесь?

Ответа не было. Только гул двигателей, ровный и бесконечный.

По дороге в жилой сектор Кай не мог унять мысли. Сектор ноль. Что там? Почему о нем никто не говорит? И главное – кто нарисовал эту схему и зачем? К чему столько загадочности. Что вообще можно скрывать в этой железной банке, все как на ладони.

Он представлял, как пройдет по этим коридорам, доберется до сектора ноль и увидит... Что? Может, там еще одна карта? Может, там есть ответы на вопросы, которые он сам себе боялся задать?

Мысли о Земле снова нахлынули. Дед рассказывал, что на Старой планете были исследователи. Люди, которые уходили в неизведанные места, чтобы увидеть то, чего никто не видел. Они назывались... Кай напряг память... Путешественники. Да, точно. Путешественники и первооткрыватели.

– Я путешественник... Первооткрыватель, – прошептал Кай, сворачивая в жилой отсек. – Только мой корабль – это весь мир.

Вокруг закипела жизнь. Люди возвращались со смен, переговаривались, гремели посудой в маленьких камбузах. Кто-то позвал Кая ужинать, он отмахнулся – не голоден. На самом деле просто не мог сейчас смотреть на знакомые лица, слышать привычные разговоры о работе и нормах выработки.

Он нырнул в свою каюту. Крошечная клетушка: койка, стол, шкафчик, экран с расписанием смен да общей информацией о жизни трюма. Кай залез на койку с ногами, развернул схему и уставился на нацарапанные линии.

Сектор ноль.

Где-то там, в темноте старых коридоров, ждал ответ. Кай чувствовал это каждой клеткой. И люк, который не открывался, был только началом.

Он заснул под утро, и ему снилась Земля. Он стоял босиком на траве, смотрел в синее небо и чувствовал, как ветер касается лица. Ветер был теплым и пах чем-то незнакомым – может, цветами, может, лесом, может, свободой.

А потом он проснулся от гула двигателей и понял, что улыбается.

– Я найду тебя, сектор ноль, – пообещал Кай серому потолку. – Чего бы мне это ни стоило.

Глава 3. Разговор по душам

После смены Кай не пошел в свою каюту. Ноги сами принесли его в старый жилой сектор, туда, где коридоры уже, потолки ниже, а лампы горят тусклее – экономят ресурс для молодых, так говорят. Здесь жил дед.

Кай любил этот путь. В детстве он бегал здесь, считая шаги и представляя, что идет по бескрайней равнине. Тогда ему казалось, что коридоры огромны. Теперь, взрослым, он видел, какие они тесные. Но уютные. Здесь пахло не машинным маслом, как на складе, а чем-то домашним – старой тканью, теплом, временем.

Дверь деда была приоткрыта. Кай постучал костяшками по металлу – старинный ритуал, который они соблюдали с детства.

– Заходи, исследователь, – раздался изнутри скрипучий, но бодрый голос.

Кай улыбнулся. Дед всегда знал, кто пришел. Говорил, у него нюх на своих.

Внутри каюта деда была такой же, как всегда. Койка заправлена по-военному – дед служил в молодости в системе поддержания порядка, пока не состарился. Стол, заваленный какими-то бумагами и деталями. Старый экран на стене, давно сломанный, но дед не разрешал его чинить – привык жить в тишине. И главное – полка.

На полке стояла энциклопедия.

Кай видел её тысячу раз. Толстый том в потрепанном переплете, который когда-то был синим, а теперь стал серым от времени и прикосновений. Буквы на корешке почти стерлись, но Кай знал их наизусть: «Земля. Энциклопедия. Том III». Рядом лежала стопка фотографий – маленьких, выцветших, с загнутыми краями.

Дед сидел за столом и чинил старый фонарик. Увидев Кая, отложил инструмент и улыбнулся. Морщины на его лице собрались в знакомый узор.

– Рано сегодня. Прогулял смену?

– Отработал, – Кай чмокнул деда в седую макушку и плюхнулся на табуретку. – Норму перевыполнил.

– Врешь, – дед покачал головой, но без злости. – Глаза горят. Ты всегда с горящими глазами, когда что-то интересное нашел.

Кай хотел возразить, но передумал. Дед видел насквозь. Всегда видел.

– Нашел кое-что, – признался он. – В старых коридорах.

– Опять лазишь, где не положено, – дед вздохнул. Но в глазах мелькнуло что-то похожее на гордость. – Твой прадед тоже таким был. Вечно его из технических отсеков выгоняли.

– А прадед Землю же видел вправду? – спросил Кай, хотя знал ответ.

– Видел, – дед посмотрел на полку с энциклопедией. – Ему семь лет было, когда грузились. Он говорил, что помнит города, леса, поля, птиц, свою собаку. Запах травы. Я пытался представить, но не смог. А ты?

– Я тоже не могу, – Кай покачал головой. – Думаю о ней постоянно. Представляю. Но будто картинка плоская, как на фотографии.

– Потому что фотография – это тень, – дед встал, подошел к полке, бережно взял энциклопедию. – А трава – это жизнь. Тень от жизни не передает самой жизни.

Он положил книгу на стол. Кай провел ладонью по обложке. Бумага шершавая, приятная. В трюмах всё было металлическим или пластиковым. Бумага была редкостью. Дед говорил, раньше на корабле были библиотеки и склады настоящих вещей с земли, своего рода музеи. Но время шло, интерес к музеям падал, их постепенно расформировали, помещения отдали под более полезные нужды. Сейчас настоящую книгу уже не найти.

– Ну что, – дед сел напротив. – Какое слово сегодня?

Это был их ритуал. С самого детства Кая они открывали энциклопедию на случайной странице, читали слово, и дед рассказывал всё, что знал. Иногда рассказы длились час, иногда целый вечер. Кай вырос на этих рассказах.

– Давай ты выберешь, – сказал Кай.

Дед кивнул, закрыл глаза, сунул палец между страниц. Открыл. Прищурился, вглядываясь в мелкий шрифт.

– Озеро, – прочитал он.

– Озеро, – повторил Кай. – Это как река?

– Не совсем. Река течет. А озеро стоит на месте. Большая вода, окруженная землей. Как будто земля обняла воду и держит.

Дед закрыл глаза. Кай знал этот жест – дед уходил в себя, в воспоминания, в рассказы своего деда, которые передавались, как драгоценность между членами их семьи.

– Мой дед говорил, что озера бывают разные. Есть маленькие, их можно переплыть за пару минут. А есть огромные – как наш корабль или даже больше. Есть даже озера, внутри которых есть острова, а на них еще озера. Вода в них прозрачная, если озеро чистое. Можно стоять по пояс и видеть свои ноги. А вокруг – Лес.

– Лес, – эхом отозвался Кай. – Это много деревьев?

– Много. Тысячи. И все разные. Мой дед говорил, в лесу пахнет... сложно. Смесью всего. Земли, травы, листьев, цветов. Он говорил, это лучший запах в мире.

– А у озера пахнет иначе?

– Иначе. Водой. Тиной. Свежестью. Дед говорил, когда он был маленький, они с отцом ходили на озеро купаться и рыбачить. Вода там была холодная даже в жару. Заходишь – дух захватывает. А потом привыкаешь и не хочется выходить.

Кай закрыл глаза. В темноте поплыли образы. Он стоял по пояс в воде, смотрел на свои ноги и видел их сквозь прозрачную толщу. Рядом росли деревья. Пахло свежестью. Над головой – небо. Синее-синее.

– А рыба? – спросил он. – В озере же была рыба?

– Была, – дед улыбнулся. – Дед говорил, они ловили рыбу буквально руками, когда были детьми. Вода чистая, рыбу видно, оставалось только загнать ее на отмель. Подкрадешься – и хоп! Пальцы сжимаешь, а она скользкая, вырывается. Весело.

Кай представил, как пытается поймать рыбу руками. Улыбнулся. Потом открыл глаза и посмотрел на выцветшие фотографии.

– Дед, а покажешь?

Дед кивнул, взял стопку, протянул Каю. Фотографии были старые, с рваными краями. Кай бережно перебирал их, как делал тысячи раз.

Вот люди на берегу. Молодые, смеются, машут в камеру. За ними – вода. Много воды. И небо. Настоящее небо. Облака плывут по нему и дублируются в зеркальной глади озера. Вот дерево – огромное, толстое, с раскидистыми ветвями. Под ним сидит семья. Вот просто поле до горизонта. Трава, трава, трава. И ни одного металлического листа, ни потолка, ни перегородок и стен.

– Красиво, – прошептал Кай.

– Красиво, – согласился дед. – Мой дед говорил, фотографии не передают и половины. Глаз видит иначе. И запахи, и звуки – это не нарисуешь.

– А какие звуки?

– Ветер шумит в листве. Птицы поют. Вода плещется. Дед говорил, на Земле никогда не бывает тихо. Там всегда что-то звучит. Живое.

Кай вспомнил вечный гул двигателей. Здесь тоже всегда звучит. Но мертво.

– Дед, – Кай помедлил. – А твой дед... он скучал по Земле?

Дед долго молчал. Потом взял из рук Кая одну фотографию – ту, где было поле. Посмотрел на неё вдумчивым взглядом.

– Он не говорил об этом. Но я видел. Иногда он садился вот так, смотрел на фото и молчал. Часами. А потом говорил: «Пойдем, внук, работать надо». Но глаза у него были другие. Пустые, что ли. Или полные. Не поймешь.

– А ты скучаешь? Ты же не видел.

– По чему скучать? – дед пожал плечами. – Я скучаю по деду. По его голосу. По тому, как он рассказывал. А по Земле... не знаю. Может, скучаю по мечте о ней по образу, который я себе нарисовал.

Кай вернул фотографии. Дед аккуратно сложил их, положил обратно на полку рядом с энциклопедией.

– Дед, – Кай помялся. – А ты веришь, что мы долетим?

Вопрос повис в воздухе. Дед замер. Потом медленно повернулся.

– Странный вопрос, Кай. Почему ты спрашиваешь?

– Не знаю. Просто иногда думаю... Гул двигателей не меняется. Никогда. С детства один и тот же. А ты говорил, при торможении он должен быть другим.

Дед долго смотрел на него. В глазах мелькнуло что-то – тревога? Испуг? Тоска?

- Гул, – повторил он. – Ты слушаешь гул.
- Все время. Он везде.

Дед подошел ближе, сел на койку напротив Кая. Взял его руки в свои – сухие, теплые, в старческих пятнах.

– Слушай, мальчик. Я не знаю, что ты там нашел в своих коридорах. Но будь осторожен. Мысли – они как искры. Если вовремя не погасить, может пожар начаться.

– Пожар?

– В голове. В душе. Вокруг, – дед сжал его пальцы. – Есть вещи, о которых лучше не думать. Потому что если начнешь думать – не остановишься.

Кай хотел возразить, но дед поднял руку.

– Я не говорю, что правда плоха. Я говорю, что правда может быть опасна. Особенно для того, кто к ней не готов. Ты готов, Кай?

Кай молчал. Он думал о люке, который не открывается. О схеме на потолке. О секторе ноль. О гуле, который не меняется много лет.

– Не знаю, – честно сказал он.

– Вот и я не знаю, – дед отпустил его руки, откинулся на спинку койки. – Мой дед говорил: на Земле люди боялись правды. Прятались от неё в домах, в работе, в развлечениях. А мы тут, в железной коробке, летим неизвестно куда и тоже прячемся. Только прятаться тут особо негде.

– И ты прячешься?

– Я старый, – дед усмехнулся. – Мне уже поздно выходить из убежища. А ты молодой. Тебе решать как жить.

Они сидели молча. Гул двигателей заполнял комнату, как всегда. Но теперь Каю казалось, что в этом гуле есть что-то новое. Вопрос.

– Дед, – сказал он наконец. – Спасибо.

– За что?

– За рассказы. За озеро. За траву. За рыбу... За всё.

Дед улыбнулся, и морщины снова собрались в знакомый узор.

– Приходи еще, исследователь. У меня еще много слов в энциклопедии. На всю жизнь хватит.

Кай обнял его, вышел в коридор. Дверь закрылась за спиной с тихим шипением.

Он шел домой медленно. В голове крутились слова деда: «Мысли – как искры». И еще: «Ты готов?»

Готов ли он? К чему? К правде? Или к тому, что правды не существует?

Кай остановился у развилки. Налево – в жилой сектор, к своей каюте, к ужину и сну. Направо – в технические коридоры, к старой схеме, к люку, к сектору ноль.

Он постоял минуту. Потом повернул налево.

Сегодня он не готов.

Но завтра... завтра все может измениться.

Глава 4. Прикладная физика

Мысли о люке не отпускали Кая ни на минуту.

Он стоял на складе, перебирал микросхемы, но руки работали сами, а голова была далеко – в темном коридоре, у запертого воротка люка. Он снился ему каждую ночь. Холодный металл, ржавые зубья, и карта на потолтке, которая в темноте казалась предупреждением или, наоборот, приглашением.

Раствор не помог. Кай это понял еще в прошлый раз. Ручка просто так не поддастся – слишком долго простояла закрытой. Нужно что-то более серьезное. Нужен рычаг.

Рычаг.

Слово всплыло из глубины памяти, когда Кай в сотый раз прокручивал в голове сцену у люка. Рычаг. Дед рассказывал о них, когда Кай был маленьким. Они сидели тогда в его каюте, и дед чертил на листе бумаги палочки.

– Смотри, – говорил дед, рисуя прямую линию. – Это рычаг. Точка опоры здесь. Ты давишь здесь. А груз – здесь. Чем длиннее плечо, тем меньше силы нужно приложить. Понимаешь?

Кай тогда не очень понимал. Ему было лет восемь, и он хотел слушать про Землю, а не про физику. Но дед был настойчив.

– Запомни, мальчик. Знания – это инструмент. Такой же, как молоток или отвертка. Только лучше. Молоток можно отнять, а знания – нет.

Кай улыбнулся воспоминанию. Дед оказался прав. Теперь знания понадобились.

Он представил колесо ручки люка. Диаметр – около полуметра. спицы, за которые можно зацепиться. Если взять прочный стержень длиной хотя бы метр, засунуть между зубьями и надавить всем весом... Да, это может сработать. Особенно если смазка все-таки немного размягчила ржавчину.

Осталось найти рычаг.

Следующие два дня Кай думал только об этом. Он перебирал в голове все, что видел в технических коридорах. Трубы? Слишком толстые, не унести. Арматура? Есть куски, но они короткие, либо совсем длинные. Нужно что-то прочное, легкое и в меру длинное. Метр, а лучше полтора.

В голову пришла идея. Инженеры.

В секторе инженерии работали ребята, которые могли сделать почти всё из почти ничего. Кай знал одного – Крон. Они учились вместе в детской группе, пока детей не распределяли по специальностям. Крон всегда любил копаться в механизмах, разбирать и собирать всё, что

движется. Потом его забрали в инженерный сектор, и они виделись редко, но при встрече всегда здоровались и с интересом болтали обо всем.

Кай придумал предлог быстро. На складе микросхем часто случались неполадки подъемными механизмами. Можно сказать, что терминал управления барахлит и нужна консультация. Бригадир только рукой махнул – иди, но быстро.

Инженерный сектор гудел громче остальных. Здесь стояли станки, пахло озоном и металлом, мимо сновали люди в синих комбинезонах – цвет инженеров. Кай немного завидовал им. Они работали с умными вещами, а не просто таскали ящики.

Крона он нашел в дальнем углу, за огромным столом. Тот сидел, склонившись над каким-то прибором, и что-то паял. Увидев Кая, удивился, но обрадовался.

– Кай! Какими судьбами? – Крон отложил паяльник, вытер руки ветошью. – Ты же в складах?

– Терминал у нас барахлит, – соврал Кай на всякий случай. – Думал, может, подскажешь.

– А я теперь по терминалам? – Крон усмехнулся. – Ладно, давай посмотрим. Что именно?

– Да подожди с терминалом, – Кай оглянулся по сторонам. Вокруг никто не обращал на них внимания. – Я вообще-то по другому делу.

Крон поднял бровь.

– По какому?

Кай помялся. Крон был вроде свой, но мало ли. С другой стороны, без него не справиться.

– Слушай, тут такое дело... Мне нужен инструмент. Специальный.

Крон с интересом посмотрел на него.

– Какой?

– Рычаг. Длинный и прочный. Чтобы в карман помещался, а в разложенном состоянии – метр, лучше полтора.

Крон присвистнул.

– Метр в карман? Ты что, штаны клоунские носишь?

– Я серьезно, – Кай понизил голос. – Складной. Как трость, только прочнее. Чтобы нагрузку держал.

Крон задумался. Он покрутил в руках паяльник, почесал лоб, оставляя на нем грязный след.

– Теоретически можно, – сказал он наконец. – Взять несколько цилиндров разного диаметра, вложить один в другой. Раздвигаешь – фиксируются. Сделать из усиленного сплава, у нас такие обрезки есть. Выдержит... ну, не знаю, килограммов двести-триста, если не переборщить с нагрузкой.

– А если навалиться всем весом?

– Твой вес выдержит, если конечно просто давить, а не прыгать на тучку с нескольких метров. Ты что собираешься ломать-то? Надеюсь, что не наружу дыру делать собрался?

Кай замялся.

– Да так... Розыгрыш один задумал. Над Риком.

Крон усмехнулся.

– Над тем здоровым? Ты его рычагом собрался поднимать?

– Не поднимать, – Кай тоже улыбнулся. – Там история сложная. Сделаешь?

Крон прищурился.

– Сделать можно. Но дорого.

– Сколько?

Крон назвал сумму в рабочих кредитах. Кай присвистнул – это была его месячная норма.

– У меня столько нет.

– Разумеется нет, у кого вообще столько может быть? А что есть у тебя на обмен?

Кай задумался. На корабле всё имело цену. Не только кредиты, но и вещи, детали, информация. Он вспомнил о своих запасах.

– Микросхемы есть. Бракованные, но можно чуть поколдовать, с паяльником ты управляешься отлично. Три штуки.

Крон оживился.

– Какие?

– Контроллеры памяти. Седьмой серии.

Крон присвистнул теперь уже по-настоящему.

– Седьмой серии? Откуда они у тебя?

– Спёр с работы, – честно сказал Кай. – Хранил на всякий случай. Год уже лежат. Вот настало и их время.

– Ещё как пригодятся, – Крон потер руки. – Да за одну такую микросхему я тебе десять рычагов сделаю. У нас в позапрошлом месяце станок сгорел из-за того, что контроллер полетел. А новых нет, поставки только через полгода. Начальник уши прожужжал – ищите, где хотите.

– Значит, договорились? Три микросхемы за рычаг?

Крон посмотрел на него долгим взглядом.

– Слушай, Кай. Ты мне нравишься, мы старые знакомые. Поэтому скажу честно: за рычаг я могу взять одну микросхему. Две остальные оставь себе. Но вопрос: что ты на самом деле задумал?

– Розыгрыш, – повторил Кай.

– Врешь, – Крон покачал головой. – Но ладно. Не хочешь говорить – не надо.

Через три дня приходи. Сделаю.

– А чертеж покажешь? Чтобы я понимал, как работает.

Крон кивнул, порылся в бумагах на столе, нашел чистый лист и быстро набросал схему. Несколько трубок разного диаметра, вложенных одна в другую. На конце – крюк, чтобы цепляться за спицы, насадка с крюком сменная для большей функциональности. Внутри – фиксаторы, чтобы конструкция не складывалась под нагрузкой.

– Понял? – Крон ткнул пальцем в рисунок. – Трубки телескопические. Выдвигаясь, фиксатор защелкивается. Чтобы сложить обратно, надо повернуть вот здесь. Просто и надежно, пружины сами все сделают.

Кай внимательно изучил чертеж, запомнил каждую линию.

– Отлично, Крон. Спасибо.

– Не за что. Через три дня, помни. И микросхему не забудь.

Обратно на склад Кай шел окрыленный. В голове уже рисовались картины: вот он приходит к люку, вставляет рычаг между спец воротка, наваливается всем телом... и колесо поддается. Медленно, со скрежетом, но поддается. А за ним – темнота. И сектор ноль.

– Кай! Ты где ходишь?

Голос Рика выдернул из мечтаний. Кай моргнул и увидел, что стоит посреди склада, а Рик смотрит на него с подозрением.

– У инженеров был. Подъемник наш...

– И что?

– Сказали, всё в порядке. Я, наверное, просто кнопку не ту нажимал.

Рик фыркнул.

– Вечно ты витаешь в облаках. Иди лучше помоги ящики переставить.

Кай кивнул и пошел за ним. Но внутри всё пело.

Через три дня у него будет ключ от заветной двери и доступ к ее тайнам. А там – кто знает? Может, ответы на все вопросы, которые не дают покоя.

Вечером, лёжа на койке, Кай снова и снова прокручивал в голове слова деда про рычаги. «Точка опоры. Чем длиннее плечо, тем меньше силы нужно».

Интересно, какая точка опоры у правды? И где то самое длинное плечо, которое поможет её сдвинуть с места и открыть всем?

Кай заснул с улыбкой. Ему снился люк, который открывался легко, как дверь в его каюту. А за люком было небо. Синее, бескрайнее, живое. И целое море зеленой травы.

Глава 5. Точка опоры

Три дня растянулись до размеров вечности.

Кай жил как во сне. Руки перебирали микросхемы, ноги носили его по складу, голос отвечал на вопросы Рика и бригадира, но сам он был далеко. Каждую свободную минуту он прокручивал в голове одно и то же: люк, колесо, рычаг. И то, что ждет за дверью.

На второй день Рик не выдержал.

– Ты чего как зомби? – спросил он, когда Кай в третий раз поставил ящик не на ту полку. – Заболел?

– Нормально, – Кай поправил ящик. – Просто не выспался.

Рик посмотрел с подозрением, но промолчал. Кай поймал себя на мысли, что Рик в последнее время вообще странно на него смотрит. Словно ждет чего-то. Или боится спросить.

На третий день Кай еле дождался конца смены. Стрелка часов ползла как ржавая тележка. Он считал минуты, потом секунды. Когда прозвучал сигнал, Кай едва не побежал.

Жилой сектор инженеров находился выше, ближе к палубам «чистых». Коридоры здесь были чуть шире, лампы чуть ярче – инженеров ценили. Кай прошел через турникет, приложив пропуск, и углубился в лабиринт одинаковых проходов.

Крона он застал за странным занятием: тот сидел на полу и перебирал кучу мелких деталей, разложенных по мелким коробочкам.

– А, явился, – Крон поднял голову и улыбнулся. – Микросхему принес?

Кай молча достал из кармана маленький пластиковый конверт. Крон принял его бережно, как драгоценность, поднес к свету, повертел, всмотрелся в маркировку.

– Рабочая, – выдохнул он. – Стопроцентно рабочая. Кай, ты даже не представляешь, что это для нас значит. Тут напряжение на распределительном щите упало, что мы уже думали...

Он осекся, поймав взгляд Кая. Кай молчал и улыбался. Потом подмигнул.

Крон усмехнулся, полез под койку и вытащил сверток из плотной ткани.

– Держи. Твое сокровище.

Кай развернул ткань. Внутри лежал металлический цилиндр длиной сантиметров тридцать – матовый, холодный, увесистый. Крон забрал его из рук Кая и одним движением раздвинул – цилиндр вытянулся, сегменты выскользнули друг из друга и зафиксировались с четким щелчком.

– Полтора метра, как заказывал, – Крон погладил гладкую поверхность. – Специальный сплав. На конце – крюк, как ты просил, для захвата. С другой стороны – упор, чтобы рука не скользила. Смотри.

Он показал, как работает фиксатор: нажал на маленькую кнопку у основания, и конструкция с мягким шипением сложилась обратно.

– Если заклинит – постучи вот здесь, – Крон ткнул пальцем в место соединения. – Но не должно. Я проверял.

Кай взял рычаг в руки. Сложил, разложил. Еще раз. И еще. Механизм работал идеально – плавно, четко, надежно.

Глаза у Кая горели. Он чувствовал себя ребенком, получившим лучшую игрушку в мире. Только это была не игрушка. Это был ключ.

– Спасибо, Крон, – сказал он тихо. – Ты даже не представляешь, как ты мне помог.

Крон кивнул, но, когда Кай уже потянул рычаг к себе, вдруг сжал пальцы на его запястье. Крепко. Кай поднял глаза.

– Кай, – голос Крона звучал непривычно серьезно. – Я не знаю, что ты задумал. И не хочу знать. Но... ты это... не надейся на глупостей, ладно?
Кай замер. В глазах Крона блеснула тревога. Настоящая, не наигранная.

– Не наделаю, – ответил Кай после паузы.
– Обещаешь?
– Обещаю.

Крон отпустил его руку. Отвернулся к своим деталям. Кай спрятал рычаг в карман комбинезона – тот вошел почти полностью, только небольшой бугорок выдавал его наличие – и вышел в коридор.

На душе было смутно. Крон знал его давно. Если уж Крон испугался... Но отступать Кай не собирался.

Утро следующего дня Кай встретил с холодным спокойствием.

Он собрался тщательно, как в маленькую экспедицию. Еда – несколько пайков, которые он экономил всю неделю, недоедая в обед и делая вид, что не голоден. Вода – фляга, до краев наполненная в душевой, пока никто не видел. Фонарик. Кай поколебался секунду и сунул его в сумку. Рискованно, но в полной темноте там делать нечего.

Рычаг лег на дно небольшой сумки, рядом с едой.

Рика Кай перехватил еще утром.

– Слушай, – сказал он как можно небрежнее. – Поможешь? Смену поменяем. Я завтра отработаю за тебя, а ты за меня сегодня.

Рик удивился.

– Зачем?

– Дела, – Кай пожал плечами. – Личные.

Рик посмотрел на него долгим взглядом. Кай ждал отказа, вопросов, чего угодно. Но Рик вдруг кивнул.

– Ладно. Иди. Я прикрою.

Кай моргнул.

– Seriously?

– Seriously. – Рик отвернулся и пошел к складу. – Только будь осторожен, Кай.

Кай проводил его взглядом. Что-то происходило. Рик не задавал вопросов, Крон предупреждал... Словно они знали что-то, чего не знал он. Или просто чувствовали.

Отгоняя мысли, Кай нырнул в технический проход.

Дорога к люку пролетела как одно мгновение. Ноги несли сами, руки считали заклепки на автомате. Тридцать, сорок, пятьдесят... девяносто... поворот... труба... ответвление... темнота.

Люк ждал.

Кай остановился перед ним, переводя дыхание. Металлическая плита, холодная и равнодушная. Колесо, которое не поддавалось столько дней.

– Ну здравствуй, – прошептал Кай. – Я вернулся, смотри что у меня есть.

Он достал баллончик со смазкой – еще оставалось немного – и щедро облил механизм. Жидкость потекла по основанию ворота, затекла в щели между резьбой и дверью. Кай подождал минуту. Потом еще одну.

Нетерпение жгло изнутри. Он не выдержал – достал рычаг, разложил. Двадцать сантиметров, пятьдесят, метр... Рычаг зафиксировался. Кай сунул крюк между спицами колеса и нажал.

Ничего.

Кай напрягся, навалился всем телом. Рычаг чуть прогнулся, но колесо не сдвинулось.

– Да что ж ты... – выдохнул Кай.

Он осмотрел рычаг и вдруг понял. Крон показывал: есть пять секций. Он разложил только три.

Пальцы нащупали кнопку, Кай дернул рычаг на себя – оставшиеся секции выскользнули с мягким щелчком. Теперь рычаг был полтора метра.

Кай снова зацепил крюк за спицы, уперся ногой в стену и потянул плавно, но сильно.

Вороток дрогнул.

Сначала чуть-чуть, едва заметно. Потом, со скрежетом, который показался Каю громче гула двигателей, оно провернулось на четверть оборота. Кай перехватил рычаг, навалился снова. Еще четверть. Еще.

Колесо пошло.

Кай крутил, пока оно не перестало поддаваться – механизм дошел до упора. Он отбросил рычаг, схватился за край люка обеими руками, уперся ногой в стену и рванул на себя.

Тяжелая дверь поддалась с протяжным стоном.

Кай отшатнулся, чуть не упав. Из открывшегося проема пахнуло холодом и пылью. Запах был странный – не такой, как в технических коридорах. Будто воздух здесь стоял неподвижно много лет и все было стерильным.

Кай посветил фонариком в щель. Увидел толщу двери и замер.

Он никогда не видел таких дверей. Торцевая часть, которую теперь было видно, состояла из множества слоев. Металлические пластины, прокладки, какие-то уплотнители, сложные запорные механизмы. Эта дверь была не просто перегородкой.

Она была шлюзом.

Кай провел пальцем по одному из механизмов. Герметичные задвижки, рассчитанные на колоссальное давление. Такие ставят только там, где по одну сторону – пустота. Где дверь – единственное, что отделяет тебя от смерти.

– Вакуум, – прошептал Кай. – За этой дверью мог быть вакуум.

По коже пробежали мурашки, он всмотрелся в темноту проема. Оттуда не дуло. Воздух был неподвижен, но он был – Кай чувствовал его в своих легких. Пыльный, старый, мертвый, но воздух.

Значит, за дверью не космос. Что-то другое.

Кай взял фонарик, включил его – луч ударил в темноту, высветил кусок пола, кусок стены, уходящий вдаль коридор. Обычный технический коридор, такой же, как те, по которым он бродил годами. Только совсем безмолвный и пустой.

Кай шагнул внутрь.

Пол под ногами отозвался звонким эхом – металл, но другой, не такой, как в трюмах. Здесь металл звучал иначе. Кай не мог объяснить, но чувствовал: он переступил границу.

Дверь за спиной осталась открытой. Кай оглянулся на нее – огромная, многослойная, с надписью, которую он раньше не видел, она находилась на обратной стороне ее полотна. Мелкие буквы, выбитые в металле:

«Аварийный переход. Зона карантина. Доступ только для персонала уровня А»

Уровень А. «Чистые».

Кай сглотнул. Сердце колотилось где-то глубоко в груди.

Он сделал еще шаг. И еще. Фонарик выхватывал из темноты куски реальности – трубы, кабели, датчики, покрытые пылью. Все было заброшенным. Очень старым. Но работающим – на некоторых датчиках горели крошечные огоньки, питаясь от неизвестного источника, стрелки мерно покачивались.

Кай шел вперед, считая шаги. Сто. Двести. Триста.

Коридор не кончался. Боковые ответвления выплывали из темноты одно за другим.

И вдруг стены исчезли. Кай повел фонариком – перед ним открылось огромное пространство. Он стоял на узкой металлической галерее, а внизу... внизу было темно. Луч фонаря не доставал до дна.

Кай прижался к перилам, вглядываясь в бездну. Где-то далеко внизу блеснул свет. Слабый, едва заметный.

– Что это? – прошептал Кай в тишину.

В тишину? Ответа не было. Гул двигателей тут не был слышен, Кай только сейчас это понял. Словно корабль спал.

Или умер.

Кай стоял на краю пропасти, сжимая в руке фонарик, и чувствовал, как внутри разрастается что-то огромное. Страх? Восторг? Предчувствие?

Он не знал.

Но знал одно: обратной дороги нет, идти можно только вперед... Или вниз, как было в его случае.

Глава 6. Добрались

Кай стоял на краю платформы и смотрел вниз.

Там, в глубине, что-то мерцало. Слабый, едва уловимый свет – не похожий на лампы трюмов, не похожий ни на что, что он видел раньше. Свет был холодным и каким-то... чужим.

– Что это? – прошептал Кай снова, хотя знал, что ответа не получит.

Он оторвал взгляд от бездны и начал осматриваться. Платформа, на которой он стоял, была явно не просто галереей. Металлический пол с рифленой поверхностью, ограждение по краям, зазоры между полом и стенами шахты. Кай обошел платформу по кругу и понял: это лифт.

Огромная грузовая платформа, способная поднимать и опускать тонны груза. Или людей.

Кай присел на корточки, провел пальцем по стыкам. Механизм явно не двигался десятилетиями. Пыль лежала плотным слоем, в некоторых местах проржавевшая до коричневой корки. Кай попробовал найти пульт управления – кнопки, рычаги, приборы, хоть что-то. Но вокруг были только гладкие стены шахты и перила.

Он выпрямился и огляделся еще раз. И тогда увидел окна.

Они находились метрах в тридцати от него, на стене, уходящей вправо от шахты. Большие, прямоугольные, запыленные так, что сквозь них почти ничего не было видно. Но внутри горел свет. Тусклый, аварийный, но свет.

– Кабина управления, – подумал Кай.

Он вернулся в коридор, из которого вышел, и двинулся вдоль стены. Первое ответвление – узкий проход, заставленный какими-то ящиками. Кай протиснулся между ними, чуть не свалив один, и оказался перед дверью.

Обычная металлическая дверь, без надписей, без предупреждений. Кай толкнул – она поддалась с протяжным скрипом.

Внутри было тесно.

Комнатка, заставленная приборами, каких Кай никогда не видел. Тумблеры, лампочки, экраны, погасшие и мертвые. Стрелочные индикаторы, застывшие на нуле. Рычаги, покрытые пылью. Все это напоминало мозг корабля – мертвый мозг, который когда-то управлял огромным телом.

Кай вошел внутрь, оставляя следы на пыльном полу. Провел пальцем по панели – под ним осталась чистая полоса. Он поднес руку к носу, понюхал. Пахло старым пластиком, металлом и древностью.

– Что тут у вас... – пробормотал Кай, разглядывая приборы.

Он не понимал назначения большинства из них. Какие-то шкалы, какие-то переключатели, маркировка, стертая до нечитаемости. Но один рычаг привлек внимание. Он был крупнее остальных, с красной рукояткой, и стоял особняком от других.

Кай взялся за него. Рукоятка была холодной, чуть липкой от налета времени. Он попробовал пошевелить – рычаг не двигался. Кай нажал сильнее, уперся – и вдруг рычаг поддался, сдвинулся вниз на несколько сантиметров.

Где-то в глубине шахты загудело.

Звук был низким, мощным, он шел отовсюду – от стен, от пола, от самого корабля. Гул нарастал, вибрация передалась в ноги, в грудь, в зубы. Кай замер, прислушиваясь.

– Работает, – выдохнул он. – Работает!

Но радость была недолгой.

Гул вдруг изменился, стал выше, тоньше, а потом откуда-то снизу донесся хлопок. Сухой, резкий, как выстрел. Вспышка света на миг озарила шахту через смотровое окно – искры, столб ярких брызг, и все погасло.

Гул стих.

Кай рванул обратно в коридор, выскочил на платформу. Внизу было темно, только тот же слабый свет мерцал в глубине. Но теперь Кай знал, что это не просто свет. Это была его цель.

Он подбежал к краю платформы и вдруг заметил то, чего не видел раньше. Сбоку, в ограждении, была секция, которая открывалась. Простая задвижка, проржавевшая, но поддающаяся. Кай дернул ее – секция послушно отошла в сторону.

А за ней, в стене, были скобы.

Металлические скобы, утопленные в металл, уходящие вниз, в темноту. Лестница. Обычная вертикальная лестница, какие бывают в технических шахтах. Только очень, очень длинная... Брр.

Кай посветил фонариком вниз. Луч уходил в пустоту, терялся, не доставая до дна. Было много, и конца им не было видно.

– Высота огромная, – прошептал Кай. – Безумная.

Страх кольнул под ложечкой. Он не боялся высоты – в трюмах негде было бояться, там все было низко и тесно. Но здесь, над этой бездной, он вдруг почувствовал себя маленьким. Очень маленьким.

Кай посмотрел на свои руки. Потом на скобы. Потом вниз, на мерцающий свет.

– Что ты там прячешь? – спросил он у темноты.

Темнота молчала.

Кай вздохнул, перекинул сумку через плечо поудобнее, чтобы не мешала, взялся за первую скобу и начал спускаться.

Спуск не собирался заканчиваться.

Руки быстро устали – Кай не привык к такой нагрузке. Пальцы немели, хватка слабела, но он заставлял себя двигаться дальше. Скоба за скобой, шаг за шагом, вниз, в темноту.

Фонарик он засунул за пазуху – светил себе под ноги, чтобы видеть следующие скобы. Иногда останавливался, переводил дух, смотрел вверх и по сторонам. Платформа давно превратилась в маленький прямоугольник далеко над головой. Луч фонаря еле выхватывал ее силуэт из темноты.

Сколько прошло времени? Кай не знал. Десять минут? Полчаса? Час?

Пот заливал глаза, мышцы дрожали от напряжения. Несколько раз он чуть не сорвался – скоба предательски уходила из-под ноги, и сердце ухало в пятки.

Но он продолжал спускаться.

Потому что свет внизу становился ярче.

Когда Кай наконец почувствовал под ногами твердую поверхность, он едва не заплакал от облегчения. Ноги подкосились, он опустился на холодный металл, прижался спиной к стене и закрыл глаза.

Дышалось тяжело. Сердце колотилось где-то в висках.

– Я сделал это, – прошептал он. – Я спустился.

Прошло несколько минут, прежде чем он смог открыть глаза и осмотреться.

Он стоял на большой площадке. Перед ним была стена, а на ней круглый экран. Кай поднял фонарик, направил луч...

И замер.

Это был не экран... Иллюминатор.

Большой, невероятный иллюминатор. В трюмах иллюминаторов не было вообще – только редкие экраны, на которых транслировали картинки с внешних камер для желающих.

А это было настоящее стекло. Толстое, чуть мутное от времени, но настоящее.

Кай подошел ближе, почти касаясь носом холодной поверхности. И посмотрел наружу.

Там ждала его темнота.

Но не та темнота, к которой он привык в коридорах трюмов. Другая. Глубокая, бесконечная, живая. И в этой темноте мерцали звезды.

Тысячи и тысячи звезд.

Кай никогда не видел столько звезд сразу. На экранах их показывали по несколько штук, для красоты. А здесь их было не счесть. Одни яркие, другие едва заметные, они висели в черноте, не двигаясь, словно кто-то рассыпал по бархату алмазную пыль.

Кай заворуженно смотрел на них, забыв дышать.

А потом его взгляд упал ниже.

Там, внизу, под звездами, висело нечто огромное. Оно закрывало часть пустоты космоса, оно было полосатым, голубовато-белым, с абстрактными разводами. Оно было круглым. Оно было...

Кай не сразу понял, что это. А когда понял – ноги подкосились снова.

Планета.

Это была планета.

Огромный шар, висящий в пустоте. Настоящая планета, как в рассказах деда. Только живая. Только рядом.

Кай прижался лбом к холодному стеклу, не веря своим глазам. Он моргнул. Протер глаза. Посмотрел снова.

Планета никуда не делась.

Она висела там, внизу, медленно поворачиваясь. Можно было разглядеть очертания материков, белые груды облаков, голубизну океанов. Это было так красиво, что у Кая перехватило дыхание. Она была еще прекраснее, чем он мог себе вообразить.

– Мы прилетели, – прошептал он. – Мы прилетели...

И тут до него дошло.

Звезды не двигались.

Кай всмотрелся в иллюминатор. Планета висела неподвижно. Звезды вокруг нее тоже не смещались. Ни одна.

Корабль не летел.

Кай отшатнулся от стекла, споткнулся, чуть не упал. Мысли били в голову, как молоты. Одна за другой, без остановки, без жалости.

Если корабль не летит – значит, он стоит на месте.

Если он стоит на месте – значит, они прибыли.
Если они прибыли – значит, полет закончен.
Если полет закончен – значит...

– Значит, все эти годы... – голос Кая сорвался. – Все эти поколения... дед... прадед... они...

Он не мог договорить. Слова застревали в горле, комом, который душил и не давал дышать.

Кай снова посмотрел на планету. Прекрасную, манящую, недостижимую. Она была так близко. До нее, наверное, можно долететь на челноке за несколько часов.

И она при этом была так далеко.

Потому что они не летели. Они висели здесь. Кто знает, сколько? Месяцы? Годы? Десятилетия?

Кай вспомнил рассказы деда. «Когда корабль разгоняется, гул меняется». Гул не менялся никогда. Ни разу в жизни Кая.

– Сколько? – спросил он у планеты. – Сколько мы здесь болтаемся по соседству?

Планета не ответила. Только медленно поворачивалась, равнодушная к его отчаянию.

Кай сполз по стене на пол, обхватил голову руками. Перед глазами плыло. Звезды, планета, звезды, планета – карусель, от которой тошнило.

Он вспомнил лица людей в трюмах. Их веру. Их надежду. Они работали, терпели, ждали. Ждали всю жизнь. Ждали много жизней. Ждали, не зная, что ждать нечего. Что они уже прибыли.

Или не прибыли? Кто решает, что значит «прибыли»?

Кай поднял голову, посмотрел на планету сквозь мутное стекло. Она была прекрасна. Она была проклятием.

– Почему? – спросил он у темноты. – Почему вы не сказали нам?

Тишина. А где-то там за толстой дверью гудит двигатель, который обманывал их пять поколений.

Глава 7. 120 лет лжи

Кай не знал, сколько просидел на холодном полу, глядя на планету сквозь мутное стекло.

Время потеряло смысл. Оно текло где-то там, наверху, в трюмах, где люди отработывали смены, ели, спали и снова работали. А здесь, перед лицом этой огромной, равнодушной красоты, время остановилось.

– Надо что-то делать, – сказал Кай вслух. Голос прозвучал глухо, он был чужим. – Надо понять.

Он заставил себя подняться. Ноги дрожали – то ли от усталости после спуска, то ли от шока. Кай оперся рукой о стену, сделал несколько глубоких вдохов, как учил дед в детстве: «Когда страшно, дыши глубже. Кислород успокаивает мозг».

Кислород не помогал. Но Кай хотя бы перестал трястись.

Он огляделся.

Площадка, на которой он стоял, была гораздо больше, чем показалось сначала. Вдоль стен тянулись какие-то механизмы, трубы, переходы. В центре возвышалось нечто, напоминающее огромные ворота.

Кай подошел ближе.

Это был шлюз.

Настоящий грузовой шлюз – таких размеров, что в него мог бы пройти небольшой челнок. Огромные створки, герметичные уплотнители, сложная система задвижек. Кай провел рукой по холодному металлу – и снова почувствовал то, что уже чувствовал у верхней двери: это сооружение создано, чтобы выдержать давление космоса.

Внутренние створки шлюза были открыты. Внешние плотно заперты, а как иначе... Иначе Кай бы уже изучал устройство корабля снаружи, а сам бы напоминал кусок льда в коктейле богача с верхней палубы.

Рядом со шлюзом Кай заметил еще одну массивную дверь. Еще толще той, через которую он попал в эту зону. Герметичная дверь не имела внешнего устройства запираения и была открыта.

За ней оказалась комната управления внешним шлюзом.

Здесь было тесно, но уютно по-своему. Несколько кресел перед пультами, экраны – погасшие, как и везде в этой зоне. На стенах – карты, схемы, графики. И главное – стеллажи.

На стеллажах стояли папки. Много папок. Десятки, а может и сотни.

Кай подошел ближе. Провел пальцем по корешкам. На каждом – даты, номера, шифры. Пластиковые обложки разноцветные, металлические уголки. Все аккуратно, по-канцелярски.

Кай вытащил первую попавшуюся. Открыл. Страницы, заполненные мелким шрифтом, колонки цифр, подписи, печати.

Это был журнал учета грузов.

Кай листал, не веря глазам. Дата отправки, тип груза, количество, пункт назначения... Пунктом назначения значилась планета и номер жилой зоны на ней. Название планеты было написано дважды: сначала длинный шифр, а потом, карандашом, кто-то приписал

– «Новая Терра».

– Новая Терра, – прошептал Кай. – Значит, у нее и имя уже есть. Имя для «своих».

Он листал дальше. Год за годом, месяц за месяцем, день за днем. Грузы уходили вниз, на планету. Продукты питания, запчасти, оборудование, медикаменты, ткани, микросхемы...

Микросхемы.

Кай замер. Он узнал шифр. Склад микросхем, на котором он работал, имел точно такое же обозначение в документах. Значит, все эти ящики, которые он таскал годами, уходили не просто «наверх», не просто «в систему корабля» для обеспечения полета. Они уходили на Новую Терру.

Кай рванулся к стеллажам, начал лихорадочно вытаскивать папки, пролистывать, бросать на пол. Ему нужно было найти последнюю. Самую последнюю запись.

Он нашел ее в нижнем ящике, в папке с истертым корешком.

Дата стояла четко, пропечатанная, не стертая временем: 50 лет назад.

Кай вчитался в строки.

«Грузовой отсек 1 (основной шлюз) подлежит консервации в связи с завершением активной фазы высадки. Дальнейшее сообщение между кораблем и планетой будет осуществляться через грузовые шлюзы 3, 7 и 9. Основной состав экипажа верхних палуб завершил подготовку к окончательному переселению. Техническому персоналу, остающемуся на борту, надлежит обеспечить бесперебойную работу производственных мощностей нижних палуб в прежнем режиме».

Дальше шли подписи. Много подписей. И печать. Огромная, круглая, с гербом, которого Кай никогда не видел.

Кай перечитал запись раз. Два. Пять. Десять.

Слова распадались на буквы, буквы складывались обратно в слова, но смысл ускользал. Не хотел укладываться в голове.

50 лет назад.

Пятьдесят.

Он поднял глаза к потолку, будто надеясь увидеть там ответ. Потом снова уставился в журнал.

«Основной состав экипажа верхних палуб завершил подготовку к окончательному переселению».

Они улетели. Пятьдесят лет назад они улетели на планету. Все эти «чистые», которые жили наверху, которые смотрели на трюмы свысока – их давно нет. Или есть? Кто тогда живет на верхних палубах сейчас? Кто отдает приказы? Кто получает грузы?

Кай не понимал. Голова шла кругом.

Он отложил папку, взял другую. Наугад. Пролистал в середину.

Дата: 98 лет назад.

«Отправка партии медицинского оборудования на планету. Груз сопровождает группа технических специалистов для настройки систем жизнеобеспечения первой колонии».

Еще одна. 102 года назад.

«Продуктовые пайки, семена, саженцы. Груз сопровождают агрономы и биологи. Подтверждение получения с планеты: колония функционирует, первые жилые модули введены в эксплуатацию».

Еще. Еще. Еще.

Кай листал, и с каждым годом, уходящим в прошлое, внутри разрасталась ледяная пустота.

110 лет назад. 120.

Чем дальше, тем больше записей. Тем активнее шла отправка. Грузы, грузы, грузы. Люди, люди, люди. Специалисты улетали вниз, на планету. Целыми группами.

А трюмы продолжали работать.

Производить.

Ждать.

Кай захлопнул папку. Пальцы дрожали так сильно, что он с трудом удержал её.
– Сто двадцать лет, – Проорал он в тишину. – Сто двадцать лет они знали.

Он вспомнил деда. Старого, мудрого деда, который всю жизнь проработал в трюмах, вырастил детей, дождался внуков и так и не увидел травы. Который верил, верил до самой старости, что однажды корабль прибудет к планете.

Он прибыл. Прибыл, когда его дед был еще достаточно молодым. Или даже раньше.

Кай вспомнил рассказы деда о его деде. Тот видел Землю своими глазами. Он грузился на корабль мальчишкой, помнил траву, небо, реки. Он умер здесь, в трюме, с фотографиями в руках, так и не узнав, что до желанной планеты уже рукой подать.

Или узнал? Может, он знал? Может, все знали, но молчали?

Кай замотал головой, отгоняя мысли. Слишком много. Слишком больно.

Он снова подошел к иллюминатору. Планета висела там же, где и раньше. Медленно поворачивалась, равнодушная к его открытию.

– Там, – Кай прижал ладонь к стеклу. – Там сейчас живут люди. Те, кто улетел сто лет назад. И их дети. И внуки. Они строят дома, ходят по траве, дышат воздухом. А мы здесь... мы работаем на них. Все эти годы. Все поколения.

Слезы потекли по щекам. Кай не заметил, когда заплакал. Просто вдруг почувствовал соленый вкус на губах.

– Дед, – прошептал он. – Прости. Прости меня. Я не знал. Я не мог знать.

Он стоял перед иллюминатором, сжимая в руках старый журнал, и плакал. Впервые за много лет. С детства не плакал, а тут – прорвало.

Планета смотрела на него сквозь стекло. Красивая, манящая, недостижимая.

И где-то там, на её поверхности, ходили люди, которые знали правду. И молчали.

Сто двадцать лет молчания.

Сто двадцать лет лжи.

– Я вернусь, – сказал Кай планете. Голос звучал хрипло, но твердо. – Я вернусь и расскажу всем. Всем в трюмах. Они должны знать.

Он вытер слезы рукавом, бережно закрыл журнал и положил на место. Потом подошел к стене и сорвал одну из карт – ту, где было подробно нарисовано, как добраться до шлюзов 3, 7 и 9.

Она пригодится.

Кай вышел из комнаты управления, прошел мимо огромного шлюза, мимо лифтовой платформы. У скоб, ведущих домой, остановился, посмотрел вверх. Там, далеко-далеко, была его жизнь. Работа, смены, Рик, дед, Крон и другие... Они не знали. Все они не знали.

– Я скажу вам, – пообещал Кай темноте. – Я скажу правду. Даже если они убьют меня за это.

Он взялся за первую скобу и начал подъем.

Спускаться было страшно. Подниматься – в тысячу раз тяжелее. Но Кай не чувствовал усталости. Внутри горел огонь, который гнал его вверх, скоба за скобой, метр за метром.

Он нес правду, как Прометей нес огонь людям. Кай был уверен, что и его накажут за это, но это будет потом. А сейчас правда жгла его изнутри. Он должен даровать ее всем жителям трюмов.

Глава 8. Решение

Кай не помнил, как добрался до жилого сектора.

Ноги несли его сами – по техническим коридорам, мимо труб, через узкие лазы, под низкими перекрытиями. Он двигался как робот, не чувствуя усталости, не замечая времени. В голове пульсировала одна мысль: «Они не знают. Они совсем не знают. Не знают же?».

Когда он вышел в жилой отсек, смена уже закончилась.

Коридоры заполняли люди. Усталые, с серыми лицами, они брели к своим каютам, перебрасывались короткими фразами, кто-то смеялся – негромко, экономно, будто боясь потратить лишнюю энергию. Кай остановился посреди потока, и люди обтекали его, как вода обтекает ручной камень.

Он смотрел на них и видел то, чего не замечал раньше.

Вот женщина с тяжелой сумкой – наверное, несет пайки на неделю. Она улыбается кому-то впереди, машет рукой. Не знает.

Вот двое парней, его ровесники, толкают друг друга, спорят о чем-то. Обычный спор, пустой, как их жизни. Не знают.

Вот старик ковыляет, опираясь на палку, – ровесник деда, может, чуть старше. Прожил жизнь здесь, в этом железном гробу, так и не увидев травы. Тоже не знает.

– Кай! Ты чего застыл?

Голос выдернул из оцепенения. Кай моргнул – перед ним стояла соседка, тетя Лин, добрая женщина, которая иногда угощала его вкусненьким, когда он был маленьким и родители работали в ночные смены.

– Я... устал, – выдавил Кай.

– Иди отдыхай, – тетя Лин погладила его по плечу. – Молодой еще, а уже как старый ходишь. Работаешь много, вот и результат.

– Да, – Кай кивнул. – Работаем.

Она ушла, а он остался стоять. «Работаем». Слово вдруг приобрело новый вкус – горький, как ржавчина.

В каюте Кай рухнул на койку, даже не раздевшись.

Смотрел в потолок. Серый металл, лампа под защитной решеткой, трещина в углу – всё знакомое, родное, своё. Но теперь казалось чужим. Всё казалось чужим.

Он сам себе казался чужим.

Мысли метались, как загнанные крысы. Рассказать – не поверят. Не рассказывать – значит, стать таким же лжецом, как те, наверху. А может, они правы? Может, правда убьёт их всех? Может, лучше жить в неведении, чем знать, что твоя жизнь – ложь?

Кай зажмурился, но перед глазами всё равно стояла планета. Огромная, прекрасная, чужая.

Он уснул под утро, сам не заметив как.

Ему снился прадед.

Они стояли в поле – в настоящем поле, с травой по колени, с деревьями на горизонте. Прадед улыбался, гладил колосья рукой, подносил к лицу, нюхал.

– Чувствуешь? – спрашивал он. – Это жизнь, Кай. Настоящая жизнь.

– Мы долетели, – говорил Кай и сам не верил своим словам. – Мы долетели.

– Мы всегда были здесь, – отвечал тот, и лицо его вдруг начинало таять, расплываться, как туман. – Мы всегда были здесь!

– Почему? – кричал Кай. – Почему вы не сказали нам?

Но прадед уже исчезал, а вместе с ним исчезало поле, трава, деревья. Все стекало вниз, оголяя металлические стены, потолок и пол трюма. Потом осталась только чернота и голос, повторяющий: «Пока ты молчишь, ты лжешь всем... Лжешь... Всем»

Кай проснулся от собственного крика.

Сердце колотилось где-то глубоко внутри, комбинезон промок от пота. Он сел на койке, обхватил голову руками и долго сидел так, пытаясь успокоить дыхание.

За переборкой гудел корабль. Ровно, вечно, неизменно.

Кай не вышел на работу.

Он просто не мог. Физически не мог заставить себя встать, собраться, пойти на склад, взять в руки ящик с микросхемами, которые уходят на планету. На ту самую планету, где живут люди, укравшие их жизнь.

Он лежал на койке и смотрел в потолок. Иногда проваливался в забытье, иногда снова открывал глаза. Время текло мимо, не задевая его, оно давало ему побыть одному и собраться с силами.

Где-то стучали – соседи, наверное. Где-то гудел динамик, вызывая кого-то. В паре метров от него текла обычная жизнь трюмов, а Кай выпал из неё. Выпал и не знал, как вернуться.

Он думал о людях, которых видел вчера. Об их лицах. Об их блаженном незнании. И о том, что случится, если он расскажет. В глубине души Кай хотел и себе вернуть это невежество, такое сладкое и спокойное.

Сначала – недоверие. «С ума сошел, парень, какие сто двадцать лет, какой прилет?» Потом – гнев. На него, на доставщика плохих новостей. Потом – отчаяние. Когда правда всё-таки пробьётся сквозь стену отрицания. А потом – что? Бунт? Апатия? Смерть? Хаос?

Кай не знал. И это незнание было хуже всего.

Стук в дверь выдернул из оцепенения.

Кай не ответил. Стук повторился – громче, настойчивее.

– Кай, открывай. Я знаю, что ты там.

Рик.

Кай зажмурился, надеясь, что тот уйдет. Но Рик был упрям, как та дверь в проклятый отсек.

– Кай, мать твою, открывай, или я выломаю эту дверь. Она достаточно хлипкая, я я же серьезно.

Кай вздохнул, скинул ноги с кровати, пошёл к двери. Провел пальцем по сенсору замка.

Рик ввалился внутрь, с порога окинул его взглядом. Кай знал, как выглядит: опухший, небритый, в мятой одежде, от которой пахло застарелым потом.

– Ты чего? – Рик говорил громко, как всегда. – Прогулял смену. Бригадир рвёт и мечет. Из-за тебя поставка срывается, грузчиков не хватает, норма по микросхемам...

– Микросхемы, – перебил Кай. Голос сел, пришлось откашляться. – Микросхемы подождут.

Рик замер. Посмотрел на него внимательнее.

– Ты пьяный? Болеешь?

– Нет.

– А что?

Кай молчал. Рик топтался на пороге, не зная, войти или выйти. Потом решился, шагнул внутрь, аккуратно прикрыл дверь.

– Слушай, – сказал он тише, по-дружески. – Я не лезу в твои дела, но ты сам не свой последнее время. Сначала эти твои отлучки непонятные, потом сменами меняешься день через день, а теперь прогул. Что случилось-то? Может, помочь чем?

Кай поднял на него глаза. В лице Рика было что-то, отчего зашипало в носу. Забота. Настоящая, дурацкая, неуклюжая забота большого парня, который всегда считал его странным, но всё равно как-то по-своему любил.

И Кай не выдержал. Сорвался, как ребенок, которого начали жалеть.

– Помочь? – голос сорвался на крик. – Ты хочешь помочь? А ты знаешь, что все, что мы делаем, вся наша работа, весь этот гребанный корабль – это всё ложь? Что мы уже прилетели давно, а нам втирают, что летим? Что наши деды умирали с мечтой попасть на планету, а она всё это время была прямо за стенкой? Как ты с этим поможешь?

Рик отшатнулся. Глаза его расширились.

– Ты чего... Кай, ты чего несёшь?

– Правду несую! – Кай шагнул к нему, и Рик попятился. – Правду, которой никто не хочет знать! Потому что если узнают – придётся что-то делать! А делать ничего не захотят! Легче работать, легче ящики эти грузить день за днем, легче ждать, легче верить в сказки!

– Кай, успокойся...

– Не успокаивай меня! – Кай толкнул Рика в грудь. Тот даже не покачнулся, но в глазах его мелькнула обида. – Иди ты со своей заботой! Иди работай, таскай ящики, радуйся, что у тебя есть работа! А сорванная поставка ничего не изменит! Ничего!

Он выдохся так же внезапно, как завёлся. Опустил руки, отступил. Рик стоял, прижавшись спиной к двери, и смотрел на него, как на сумасшедшего.

– Ты... – начал Рик. – Тебе помощь нужна? Может, к врачу?

– Врач не поможет, – тихо сказал Кай. – Иди, Рик. Пожалуйста. Просто иди. И прости.

Кай помялся, хотел что-то сказать еще, но передумал. Открыл дверь, поднырнул под громаду Рика, вышел. Дверь закрылась с тихим шипением.

Кай остался один среди многоликого человеческого роя в коридорах жилого отсека.

Он стоял в этом потоке, глядя на закрывшуюся дверь своей каюты, и внутри разрасталась пустота. Рик не поверил. Рик испугался. Рик подумал, что он сошёл с ума.

Так будет со всеми.

Плечи тряслись – он не понял сразу, смеётся или плачет. Потом понял: и то, и другое. Истерика.

– Дед, – прошептал он сжимая в кулаках свои волосы. – Дед, помоги.

Он не помнил, как дошел до старого жилого сектора. Как шёл по коридорам, как поднимался на уровень выше. Очнулся только перед дверью деда.

Постучал.

Тишина.

Постучал ещё.

Дверь открылась.

Дед стоял на пороге – в старой майке, с седыми вихрами, с усталыми глазами. Увидел Кая, и лицо его озарилось улыбкой, а после замерло неподвижно.

– Заходи, – сказал он просто. – Заходи, мальчик.

Кай перешагнул порог, и дверь за спиной закрылась. Здесь пахло домом – старыми вещами, бумагой, фотографиями, детством, мечтами. Кай сделал шаг, другой – и вдруг ноги подкосились. Он опустился на колени посреди каюты и разрыдался.

Впервые в взрослой жизни. Навзрыд, как маленький.

Дед не спрашивал. Просто подошёл, сел рядом на корточки, обнял за плечи сухими, тёплыми руками. И они сидели так вдвоём – старик и молодой, – пока Кай не выплакал всё, что накопилось за эти дни.

А потом Кай поднял глаза и сказал:

– Дед, я знаю, где мы. Мы не летим. Мы уже прилетели. Давно прилетели, дед.

Дед смотрел на него долго-долго. И в глазах его не было удивления.
Только боль.

Глава 9. Совет

Дед молчал долго.

Так долго, что Кай начал слышать, как стучит его собственное сердце в висках. Гулко, тяжело, будто в груди работал старый двигатель корабля. Дед сидел напротив на своей койке, ссутулившись, и смотрел куда-то сквозь Кая, сквозь стену, сквозь сам корабль.

Кай уже пожалел, что сказал. Лучше бы соврал. Лучше бы придумал что-нибудь – про неприятности на работе, про ссору с Риком, про всё, что угодно, только не это. Потому что боль в глазах деда была невыносимой.

– Дед, – позвал он тихо. – Ты как?

Дед моргнул, будто просыпаясь. Посмотрел на Кая – и вдруг улыбнулся. Криво, горько, но улыбнулся.

– А я ведь знал, – сказал он. Голос звучал хрипло, но ровно. – всю жизнь знал. Точнее не знал, а чувствовал. Ты не понимаешь еще сам, что ты увидел, услышал, ощутил, но подсознание все давно сопоставило и дало сигнал тревоги.

– Чувствовал?

– Конечно. – Дед потёр грудь, там, где сердце. – Здесь всегда ныло. С детства. Я думал, это по Земле тоска. А теперь понимаю – это правда зудела, наружу просилась. Но я боялся.

– Боялся?

– Боялся копнуть глубже, – дед кивнул. – Страшно узнать, что твоя жизнь – ошибка. Что ты не летишь к мечте, а просто существуешь в железной коробке. Легче было верить. Легче было работать и ждать.

Кай слушал, и внутри отпускало. Дед не сошёл с ума. Дед не испугался. Дед... понял.

– А теперь, – дед посмотрел на него внимательно, – теперь я жалею. Что не копнул. Что не узнал. Что прожил жизнь в самообмане. Хорошо, что ты не такой, как я.

– Я не знаю, что делать, – вырвалось у Кая. – Дед, я не знаю. Рассказать всем? Мне не поверят. Рик уже не поверил, подумал, что я спятил.

– Рик – дурак, – дед махнул рукой. – Дурак, но хороший парень конечно. Он не виноват, что ума мало. А ты не ори на каждом углу. Ты сделай так, чтобы поверили.

– Как?

Дед откинулся на спинку койки, прикрыл глаза. Морщины на его лице стали глубже, резче, будто он постарел за эти минуты.

– Ты уже знаешь, как, – сказал он тихо. – Ты всегда знал. Поэтому и пришёл ко мне не за советом, а за поддержкой.

Кай хотел возразить, но вдруг понял: дед прав. Он знал. Знал с той самой секунды, как увидел планету в иллюминаторе.

– Совет старейшин, – выдохнул Кай.

Дед кивнул.

– Они мудрые. Они старые. Они видели многое. Если кто и поймёт, то они. Иди к ним, Кай. Расскажи всё. Подробно. Как нашёл люк, как спустился, что видел. Про журнал расскажи, про даты. Они поверят. Они помогут.

– А если не поверят?

– Поверят, – дед усмехнулся. – Потому что они тоже чувствовали. Все мы чувствовали. Просто боялись признаться. Да и не пропадет же целый отсек за сутки? А что может быть убедительней?

Кай встал. В ногах появилась твёрдость, какой не было с того самого момента, как он увидел планету. Дед прав. Сам Кай прав. Надо идти к старейшинам. Они решат, что делать дальше.

– Дед, спасибо, – сказал он.

– Иди, мальчик. Иди.

Кай шагнул к двери, уже взялся за ручку, когда голос деда остановил его:

– Кай.

Он обернулся.

Дед сидел всё так же, сгорбившись, но глаза его вдруг стали молодыми. Живыми. Жадными.

– Какая она? – спросил дед тихо. – Планета. Расскажи.

Кай закрыл глаза и увидел её снова. Огромную, голубовато-зеленую, с разводами облаков, с тёмными пятнами материков, с сиянием атмосферы по правому краю.

– Она прекрасна, – сказал он. И вдруг понял, что улыбается. – Дед, она такая... живая. Она висит в темноте, и от неё свет идёт. Не как от лампы, а какой-то другой. Тёплый, что ли. И облака там настоящие. Я думал, облака только на картинках бывают, а они там – плывут. Медленно так.

Он открыл глаза и посмотрел на деда. Тот слушал, затаив дыхание, и в глазах его стояли слёзы.

– А ещё, – Кай улыбнулся шире, – я теперь знаю, как выглядит зелёный цвет.

– Зелёный? – переспросил дед.

– Там, на планете, есть пятна. На фотографиях старой земли они серые были, а на самом деле они... другие. Я не знаю, как объяснить. Дед, они зелёные, это точно зелёный. Настоящие зелёные пятна. Теперь и трава в моих мыслях такого цвета будет. Она теперь в тысячу раз ярче станет.

Дед молчал. По щеке его скатилась слеза, упала на гладкий пол.

– Спасибо, Кай, – прошептал он. – Спасибо, что рассказал. Я теперь тоже знаю.

Кай подошёл, обнял его крепко-крепко.

– Я всё сделаю, дед. Обещаю.

– Знаю, мальчик. Иди.

Кай вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

Гул двигателей звучал по-прежнему. Монотонный, убаюкивающий, ровный. Люди ходили по своим делам. Где-то смеялись дети. Жизнь в трюмах шла своим чередом.

А Кай впервые за двое суток улыбался по-настоящему.

Он знал, что делать.

Впереди был совет старейшин. Впереди была правда. Впереди снова была надежда.

Глава 10. Старейшины

Зал совета находился в самом сердце жилого сектора – большое помещение, где обычно собирались для общих обсуждений. Кай бывал здесь только раз в детстве, когда распределяли молодых ребят по профессиям. Тогда зал казался ему огромным, почти бесконечным. Теперь он видел, что это просто комната. Чуть больше обычной, с длинным столом посередине и тяжёлыми креслами.

В креслах сидели старейшины.

Их было пятеро. Самые старые люди в трюмах – те, кто видел смену поколений, кто хранил традиции и порядок. Кай знал их в лицо, как знал каждый. Вот Эрг – широкий, с грубыми руками, бывший механик. Вот Сайна – сухая старуха с острыми глазами, ведавшая распределением пайков и кредитов. Вот ещё трое, чьих имен и обязанностей он не знал, но лица их ему были знакомы с детства. Он рос у них на глаза, а они старели на его.

– Кай, грузчик с микросхемного склада, – объявил кто-то сбоку – видимо, секретарь. – Просит слова.

Эрг поднял голову. Взгляд у него был тяжёлый, как дверь внешнего шлюза.

– Говори, Кай.

Кай шагнул вперёд. Сердце колотилось, но он с трудом заставил себя говорить ровно:

– Я пришёл рассказать правду. О нашем корабле. О том, куда мы летим. Вернее, не летим.

Старейшины переглянулись. Сайна прищурилась, и глаза её стали похожи на две щёлки.

– Интересное начало, – сказала она. – Продолжай.

Кай рассказывал. О люке, который нашёл случайно. О схеме на потолке. О спуске в шахту. Об иллюминаторе. О планете. О журналах в комнате управления. О датах.

– Они там, – закончил он. – На планете. Они живут там уже сто двадцать лет. А мы здесь работаем на них. Производим еду, всё, что им нужно. И не знаем.

Тишина в зале стала такой плотной, что Кай снова услышал свое сердце.

А потом Эрг рассмеялся.

Сначала тихо, потом громче. К нему присоединилась Сайна – сухим, каркающим смехом. Остальные старейшины заулыбались, закивали, зашептались.

– Мальчик, – Эрг вытер выступившие от смеха слёзы. – Мальчик, ты бы ещё звезду с неба принёс и сказал, что она упала в твою каюту. Планета, говоришь? Иллюминатор? Журналы?

– Я всё видел своими глазами, – упрямо сказал Кай.

– Глазами, – передразнила Сайна. – А ты знаешь, сколько у нас было таких «прозревших»? Каждое поколение рождает своих фантазёров. Им мерещатся заговоры, тайны, планеты за стеной. А потом они взрослеют и понимают: корабль – это всё, что у нас есть. И другого не будет.

– Но я не...

– Ты не первый и не последний, – перебил Эрг. Голос его стал жёстче. – Сказки рассказывать легко. А ты подумал, что будет, если твои сказки услышат другие? Если люди начнут паниковать? Если остановят работу?

Кай открыл рот, чтобы возразить, но Эрг поднял руку. Он молча записал что-то на маленьком листке серой бумаги и передал подошедшему секретарю. После снова впился взглядом в Кая.

– Молчи. Слушай. У нас есть порядок. Этот порядок держится на том, что все делают своё дело и не отвлекаются на глупости. Ты хочешь этот порядок разрушить? Хочешь, чтобы трюмы запыхали? Чтобы люди перестали работать и начали гоняться за выдуманными злодеями?

– Я хочу, чтобы они знали правду, – тихо сказал Кай.

– Правда, – Сайна покачала головой. – Мальчик, правда – это то, что у тебя есть паёк сегодня и работа завтра. Всё остальное – выдумки.

– Но я видел...

– Ты видел то, что хотел видеть, – отрезал Эрг. – Или тебе показали. Ты знаешь, кто мог нацарапать ту схему? Может, какой-то шутник лет пятьдесят назад. А может, это вообще галлюцинации, надышался ты газом в вентиляции и валялся там без сознания пол дня, пока через каналы свежий воздух не пошел. Мы знаем такие случаи. Ты хоть что-то взял с собой для доказательства? Где твои журналы? Так и стоят ровными рядками на выдуманных полках, ждут нового искателя приключений, который отключится в техническом отсеке.

Кай молчал. Спорить было бесполезно.

– За твой прогул, – продолжал Эрг, – и за распространение бредней, которые могут вызвать панику, ты получишь месяц работы без выходных и сокращение пайка на тридцать процентов. Будешь таскать ящики каждый день, включая общие отдыхи. Это научит тебя думать, прежде чем говорить, а еще ценить наш порядок и цели.

– А если он снова начнёт? – спросил кто-то из старейшин.

Эрг посмотрел на Кая колючим взглядом.

– Тогда отправим на обработку. Дня на два-три. Чтобы выветрились все фантазии. Ты слышал про обработку, мальчик?

Кай слышал. Все слышали.

Обработка.

Большая камера, абсолютно пустая, абсолютно тихая. В трюмах никогда не бывает тихо – гул двигателей слышен всегда, он заполняет всё, он становится частью тебя. А в камере – тишина. Мёртвая, вакуумная. И одиночество. И стены, которые не давят, потому что ты привык к тесноте, к соседям за тонкой переборкой, к шорохам и голосам. А там тихо и просторно, даже в углу не найти покоя.

Говорили, что день в камере ломает самых стойких. Два дня превращают человека в тень себя прошлого. Три – в послушное животное, которое сделает что угодно, лишь бы его выпустили.

Был один парень. Легенда. Драчун и бунтарь, он не признавал ничьей власти. Его отправили на обработку после драки с начальником смены. Он продержался неделю. Целую неделю в тишине и пустоте. От своих убеждений он так и не отказался. Когда его выпустили, он улыбался. Спокойно так, блаженно. И с тех пор не сказал ни слова. Сидел, смотрел в одну точку, ел, если давали, спал, если укладывали. Носил ящики, если его за шкуру к ним подтаскивали. Жил, но и не жил. Изменился, но не сдался. Вот бы и Каю хоть часть его упорства. Уж его-то цель достойнее явно. Хотя... бунт есть бунт.

Кай не хотел стать еще одной легендой. Не такой ценой.

– Я понял, – сказал он. Голос звучал глухо, но ровно. – Месяц без выходных. Я отработаю.

Эрг кивнул, довольный.

– Ступай. И помни: лишние разговоры никому не нужны. Работай и молчи, живи свою жизнь.

Кай вышел из зала. Дверь закрылась за спиной с мягким шипением.

Коридоры встретили его привычным гулом и суетой. Люди сновали мимо, не глядя на него. Для них он был просто очередным парнем в рабочей форме. Никто не знал, что он только что пытался сделать. Пытался и проиграл.

Кай шёл, не разбирая дороги. Ноги сами несли его куда-то, и только через некоторое время он понял куда – к техническому проходу. К тому самому, который вёл к люку.

Он нырнул под трубу, прошёл по узкому ходу, свернул туда, где был скрытый лаз. И замер.

Лаз был заварен.

Лист свежего металла закрывал проход – аккуратно, почти незаметно, если не знать, куда смотреть. Сварной шов тянулся ровной линией, мастерски выполненный, профессиональный.

Кай провёл пальцем по металлу. Тёплый ещё? Или показалось?

Конечно. Старейшины не стали полагаться на его честное слово. И не зря, раз Кай тут, а не в своей каюте. Заварили проход. Чтобы никакой фантазёр больше не лазил, куда не надо.

Кай прислонился лбом к холодному металлу. За ним была его правда. За ним была планета, звёзды, ответы на все вопросы. И всё это стало недостижимым.

Можно было бы попытаться вырезать кусок стены. Тяжёлым инструментом, ночью, пока никто не видит. Но где взять инструмент? И как не привлечь внимание, шума же будет столько, что всех «чистых» перебудит, если они там еще остались? Точно же поймают. Обработка. Тишина. Пустота. Блаженство...

Кай оттолкнулся от стены и пошёл обратно.

Он шёл домой и не понимал, что чувствует.

Внутри всё кипело. Как они могли не поверить? Он же видел! Он держал в руках журналы, он смотрел на планету через стекло! Это не галлюцинация, не сумасшествие, не глупая шутка! Это правда!

Но рядом с этим кипением распускалось что-то другое. Тихое, вязкое, сладкое.

Спокойствие.

Он сделал всё, что мог. Нашёл люк. Спустился. Узнал правду. Рассказал старейшинам. Они не поверили – ну и что? Он же пытался. Честно пытался. Значит, его совесть чиста.

Можно просто жить дальше.

Работать. Есть. Спать. Иногда ходить к деду, слушать рассказы про Землю. По выходным отдыхать с друзьями в баре рабочего сектора, тратя отложенные кредиты. Забыть про люк, про планету, про звёзды. В конце концов, большинство так и живёт. И ничего.

Кай остановился посреди коридора. Люди обтекали его, как всегда.

Он представил, как просыпается завтра, идёт на склад, берёт в руки ящик с микросхемами. И знает, что этот ящик уйдёт на планету. К тем, кто крадет его жизнь. И ничего не делает для его блага.

Сможет он так?

Сладкое спокойствие отступило. Кипение вернулось.

– Нет, – прошептал Кай. – Не смогу.

Он посмотрел на свои руки. Они дрожали. От злости, от бессилия, от напряжения.

– Я не сдамся. Я найду другой путь. Я расскажу тем, кто захочет слушать. И плевать на обработку. После нее точно будет плевать.

Кай выдохнул и пошёл дальше.

Домой. Спать. Завтра будет новый день. Битва проиграна, но война еще идет.

Глава 11. Возвращение в стадо

Утро встретило Кая привычным гулом и тусклым светом ламп.

Он оделся медленно, тщательно, будто собирался не на склад, а на важную встречу. Вчерашний разговор со старейшинами всё ещё сидел в голове занозой – не вытащить, не забыть. Но Кай загнал её поглубже. Пусть зудит, но остальным не показывается. Сегодня начиналась новая жизнь. Вернее сказать старая.

Месяц без выходных. Он отработает. А там видно будет.

На складе его встретил Рик.

Здоровяк стоял у входа, перебирая какие-то бумаги, и при виде Кая нахмурился. Кай подошёл, чувствуя неловкость. Вчера он накричал на Рика, толкнул его, выставил дураком. А Рик всего-то хотел помочь.

– Привет, – сказал Кай, останавливаясь напротив.

Рик поднял глаза. В них не было злости. Только настороженность и... обида? Кай вздохнул.

– Слушай, прости за вчерашнее. Я был не в себе. Сам не знаю, что на меня нашло.

Рик молчал, и Кай продолжил:

– Работы много, устал, не выспался. В общем, не обращай внимания. Я дурак.

Рик хмыкнул, но лицо его чуть смягчилось.

– Дурак, это точно, – буркнул он. – Орёшь на людей, толкаешься. Я ж помочь хотел.

– Знаю, – Кай кивнул. – И спасибо. Правда. С меня пиво, как кредиты начислят за эту партию.

Рик посмотрел недоверчиво, но хлопнул его по плечу – тяжело, по-дружески.

– Ладно. Бывает. Ты это... если что – обращайся. Помогу.

– Спасибо, Рик.

Они разошлись. Кай направился вглубь склада, чтобы приступить к работе, но на входе в зону погрузки его остановил бригадир.

– Кай? Ты не здесь. Тебя перевели.

– Перевели? Куда?

– В двадцать седьмой. Склад тяжёлых компонентов. Там грузчики нужны. Иди, там скажут, что делать. Кстати, там твоя смена началась еще час назад. Вдруг тебе это будет интересно.

Бригадир отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Кай постоял секунду, переваривая информацию.

Двадцать седьмой. Он знал этот склад. Там работали с крупными деталями – корпусами, баллонами, металлическими листами. Работа была тяжелее, грязнее, опаснее. И находился он далеко от его обычного места.

Наказание. Конечно. Старейшины позаботились, чтобы месяц без выходных прошёл максимально эффективно и вытряс из него все глупые мысли.

Кай вздохнул и пошёл к распределительному коридору быстрым шагом.

Дорога до двадцать седьмого заняла почти полчаса. Кай петлял по переходам, поднимался по лестницам, спускался вниз, проходил через шлюзовые зоны. С каждым шагом он всё острее чувствовал на себе взгляды.

Сначала он думал, что показалось. Ну смотрит кто-то – и что? В трюмах всегда полно народу, глаза есть у всех. Но взгляды были какие-то другие. Длинные, цепкие, изучающие. Кай оборачивался несколько раз, но никого подозрительного не видел. Обычные люди шли по своим делам, не глядя на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.